
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

А. В. ВОДОЛАГИН

ИДЕИ Ж.-П. САРТРА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

15 октября 2005 г. на кафедре философии Российского государственного социального университета состоялся «круглый стол», посвященный 100-летию Жана-Поля Сартра (1905–2005). С основным докладом «Ж.-П. Сартр и марксизм» выступил доктор философских наук, профессор **И. А. Гобозов**.

Сартр учился вместе с Р. Ароном, тоже крупным философом и политическим мыслителем. По словам Арона, Сартр сразу же обратил на себя внимание. Он писал много: за три недели выдавал по 350 страниц, желая превзойти Гегеля. В 1933–1934 гг. Сартр стажировался в Германии, где изучал Гуссерля и Хайдеггера. Последние оказали сильное влияние на формирование мировоззрения Сартра.

Сартр оставил глубокий след и в философии XX века, и во французской художественной литературе. К марксизму он относился очень уважительно. В фундаментальном труде «Критика диалектического разума» Сартр подчеркивал, что антимарксистский аргумент есть не что иное, как явное возрождение домарксистской мысли. Так называемое «преодоление» марксизма есть в худшем случае возврат к домарксистской мысли, а в лучшем – возрождение мысли, содержащейся в философии, которую хотели преодолеть. Маркс, продолжает Сартр, писал, что идеи господствующего класса являются господствующими идеями. «И он *абсолютно* прав. В 1925 году мне было 20 лет и в университете не было ни одной кафедры марксизма. Студенты-коммунисты боялись сослаться на марксизм или даже упоминать в своих дипломных работах. Им было отказано заниматься марксистскими исследованиями. Диалектика наводила такой страх, что сам Гегель нам не был известен. Конечно, нам разрешали читать Маркса, нам даже советовали читать

его: надо было знать Маркса, “чтобы его опровергать”. Но без гегелевской традиции и без марксистских преподавателей, без программы, без инструментов познания наше поколение, как и предыдущие поколения, а также следующее поколение, совсем не знало исторический материализм. Нам подробно излагали аристотелевскую логику и логику. Именно в это время я прочел “Капитал” и “Немецкую идеологию”. Я все прекрасно понимал и я абсолютно ничего не понимал. Понять – значит измениться, превзойти самого себя. А это чтение меня не изменяло. Но зато меня начала изменять *реальность* марксизма, перед моими глазами возникла огромная масса рабочих, представляющих мощный и темный корпус, который оживлял марксизм и практиковал его...»¹. И далее Сартр подчеркивает, что он безоговорочно согласен со знаменитым тезисом Маркса: «Способ производства материальной жизни обуславливает вообще развитие социальной, политической и духовной жизни»². Тем не менее Сартр не был марксистом. Почему? Экзистенциализм, который он исповедовал, антропоцентричен, а марксизм – социоцентричен.

Сартр утверждает, что есть догматическая диалектика и критическая диалектика. Догматическая диалектика – это диалектика Гегеля, проявляющаяся в том, что она не нуждается в доказательстве. Она абстрагируется от реального исторического процесса. Критическая диалектика – это диалектика Маркса. Маркс показал диалектическое движение бытия и знания. Эти рассуждения Сартра нельзя не приветствовать, хотя несколько вольно интерпретируется диалектика Гегеля. Сартр негативно относится к трем законам диалектики, открытым Гегелем, считает, что диалектика присуща только обществу. Он отрицает ядро диалектики – единство противоположностей, вместо слова «противоречие» использует термин «нехватка». Эта нехватка продуктов питания превращает другого во врага. Нехватка – вот главная причина взаимной вражды. У Арона были основания, когда писал, что Сартр нас возвращает к знаменитому гоббсовскому тезису: человек человеку – волк. Совершенно ясно, что это ничего общего не имеет с марксизмом. У Маркса речь идет о присвоении чужого труда, а не о нехватке.

¹ Sartre, J.-P. Critique de la raison dialectique. – Paris, 1960. – P. 23.

² Ibid. – P. 31.

Конечно, Сартр не марксист, но он ближе к марксизму, чем наши бывшие марксисты. В отличие от них Сартр никогда не менял своего уважительного отношения к марксизму. И это уже хорошо. С уходом из жизни Сартра, Арона, Альтюссера, Броделя и других французских интеллектуалов во французском гуманитарном знании образовался вакуум. Исчезли интеллектуалы и эрудиты. Их место заняли малообразованные, а то и просто необразованные люди – «постмодернисты», которые все сводят к пустому курсу обо всем и ни о чем.

Доктор философских наук, профессор **А. В. Водолагин** коснулся в своем выступлении экзистенциалистской концепции абсурда. «Экзистенциализм – это в некотором роде бессмыслица», – сказал Мартин Хайдеггер в одном из своих интервью (1969), вспоминая об общении с Сартром, навещавшим его в Мескирхе. Нужно заметить, что и Сартр в беседе с Э. Хэмингуэем признался, что слово «экзистенциализм» придумал какой-то журналист, а сам он никакого отношения к этому не имеет. В самом деле, любой «изм» предполагает хотя бы минимальную систематизацию знаний. Философия же экзистенции от С. Кьеркегора до К. Ясперса и Сартра была враждебна по отношению к системосозиданию и никогда не преподносила читателям какого-либо нового знания о человеческом существовании, как, может быть, хотелось бы думать некоторым историкам философии. Экзистенциальный стиль философствования выражается в неустанном вопрошании о бытии человека в мире – «собственном» (подлинном) и «несобственном» (неподлинном). Это вопрошание проистекает из определенного эмоционально-волевого настроения личности, который фиксируется в понятиях (экзистенциалах): *забота* (о теле, о смерти, о другом и т. д.), *одиночество*, *тоска*, *страх* и др. Учитывая, что человеческое существование – это *бытие-в-ситуации*, экзистенциально философствующий мыслитель не стремится к окончательному решению захватывающих его вопросов. Его мышление нацелено на *прояснение* той или иной конкретной ситуации. Философия благодаря этому предстает в виде *мироориентации*, экзистенциального психоанализа или даже психотерапии. Производство знания приостанавливается, уступая место установлению или созиданию смыслов. Экзистенциальное мышление возникает из поглощающего челове-

ка чувства смыслоутраты, из депрессивного переживания абсурдности повседневного существования. Это – новое выражение вековечного «томления духа», о котором впервые было сказано в книге Екклезиаста, – духа падшего, утратившего связь с Трансценденцией. В данном контексте слова Хайдеггера об экзистенциализме как бессмыслице звучат уже не столь обидно для специалистов в области истории философии. Бессмыслица – обратная сторона «несобственного бытия», совершаемого человеком, которому социум навязал чуждую его самости роль, который не смог найти в себе силы для волевого противостояния неподлинности, кажимости, самообману. В связи с этим философия Сартра все еще интересует нас как *серия попыток смыслополагания* в условиях усиливающегося давления абсурдной социальной реальности на человека, утратившего связи и с Природой, и со своими ближними. Эта философия сама является симптомом поразившей интеллектуалов болезни – метафизического аутизма.

Доктор философских наук, профессор **Н. В. Солнцев** напомнил, что всех экзистенциалистов, как христианских, так и атеистических, объединяет, по мнению Сартра, убеждение в том, что существование предшествует сущности. Однако такое утверждение относится только к человеку. Что же касается предметов, вещей, создаваемых человеком, картина меняется в корне. Здесь сущность предшествует существованию. Сартр в работе «Экзистенциализм – это гуманизм» приводит пример с ножом. Ремесленник, прежде чем изготовить нож, должен был представить себе форму, размеры, качество материала для изготовления, то есть иметь «рецепт изготовления», заранее располагать понятием (сущностью) ножа. Такое соотношение сущности и существования Сартр называет техническим взглядом на мир. Но дело в том, что подобный «технический взгляд» присущ всем христианским экзистенциалистам. Бог-творец мало чем отличается от ремесленника: мастер сделал нож, Бог создал человека. Он сотворил человека в соответствии со своим замыслом о человеке. Сартр, как и другие сторонники атеистического экзистенциализма (М. Хайдеггер, А. Камю, А. Мальро), исходит из противоположного тезиса, а именно: «существование предшествует сущности». Человек сначала появляется в мире, а только потом приобретает свою сущность. Такой подход имеет принципи-

альное значение. Речь идет о формировании человека, о свободе выбора, о будущности личности. Если моя сущность мне не дана с рождения как некий элемент человеческой природы, значит эту сущность я должен создавать сам. Каким быть человеку, зависит только от него. Он выбирает себя сам. И в этом выборе он совершенно свободен. Такова точка зрения Сартра. Бесспорно, человек как существо сознательное и волевое должен делать все возможное для реализации себя. Очевидно, это зависит не только от желания и цели субъекта. Разве в формировании личности не участвуют такие факторы, как человеческая природа, генетические данные, социальная среда? Да, человек выбирает себя сам. Однако не в условиях социального вакуума. Человек свободен в пределах объективной необходимости. Сущность человека детерминирована многими факторами. Это, разумеется, не исключает активного влияния на них сознающего свою свободу человека. Носителем существования и сущности выступает один и тот же субъект. Это две фазы формирования одной личности. Между ними должна быть преемственная связь. Сущность, надо полагать, не возникает из ничего. Она потенциально содержится в самом существовании.

Доктор философских наук, профессор **С. Е. Крючкова** отметила, что многие исследователи указывают на противоречивое отношение Сартра к марксизму. Это справедливо, как справедливо и то, что позиция Сартра менялась с течением времени: она то смягчалась, то ужесточалась (например, под влиянием чехословацких событий 1968 г.). Несомненно то, что Сартр интересовался теорией и практикой марксизма и даже предпринял попытку вдохнуть в марксизм сознание индивидуальной субъективности, объяснить не только, как индивид создается историей, но и как история создается индивидами (а не только классами). Отношение Сартра к марксизму всегда было критическим, в том значении этого слова, которое сложилось в традиции кантовского критицизма. Не случайно в этой связи и само название работы, в которой он исследует марксизм, – «Критика диалектического разума» (1960). Оно прямо указывает на то, что его автор стремится выяснить гносеологические основания (условия и возможности) диалектического разума. Сартр отмечает, что его задача состоит не в воспроизведении реальной истории в ее развитии, а в анализе того, «при каких условиях возможно позна-

ние любой истории» и «что такое диалектическая разумность и каковы ее границы и основания». Сартр работает на другом уровне абстракции: предмет его исследования не сама теория исторического материализма, а гносеологическое обоснование этой теории. Этот момент нужно всегда учитывать при сравнении позиций Маркса и Сартра, а также при рассмотрении вопроса об отношении Сартра к марксизму как идеологии в целом и к марксистской философии в частности. Нельзя не признать, что Сартр – один из наиболее эвристических критиков марксизма. Свидетельством этого, помимо уже названной работы, являются лекция «Субъективизм и марксизм», прочитанная в 1961 г. в Институте Грамши в Риме, а также «Римская лекция» (1964), в которых он не только предложил дополнить марксизм аксиологией моральных норм, но и попытался наметить контуры последней.

Доктор философских наук, профессор **Г. И. Иконникова** заметила, что в преподавании курса «Философия» можно использовать характеристики, данные Сартром мировоззренческим философским ориентациям: идеализм, «критический дуализм», реализм («метафизический материализм»). В разделе «Историко-философское введение» следует показать, что Ж.-П. Сартр не только экзистенциалист, но и феноменолог, использующий метод редукции Э. Гуссерля и идею интенциональности Ф. Brentano, а также неомарксист, критик капитализма и советского социализма, высоко ценивший философию К. Маркса. Концепцию Сартра нужно рассматривать в связи с философскими учениями его современников – Р. Арона, К. Леви-Строса, Г. Марселя, Э. Мунье, М. Хайдеггера. П. Рикер оценивает его работы «Воображение» и «Воображаемое» как герменевтические. Обращает на себя внимание проблемное поле философии Сартра: 1) бытие и сознание; 2) сознание как особая форма бытия; 3) деятельность; 4) свобода – необходимость – ответственность; 5) человеческая реальность: человеческая ситуация – человеческая история; 6) идеология и другие проблемы.

«“...История не спеша движется к пониманию человека человеком” – так в пограничной ситуации неизбежно приближающегося ухода увидел Сартр (по словам его секретаря) итог собственного творчества, в определенной степени отражающего поступь субъективно детерминированной истории», – сказал доктор философских

наук **В. П. Давыдов**. И именно в пренебрежении понимания субъективной стороны личности, внутреннего мира человека Сартр видел основной порок советской версии марксистской философии. В экзистенциализме главное – свобода личности, в советской версии марксизма – «борьба за свободу всех». В этом их принципиальная несовместимость, отсюда стремление Сартра «дополнить» марксизм «человеческим измерением». Ибо, «борясь за всеобщее счастье», единичный индивид становится «как все», отказывается от собственной свободы, то есть от себя как неповторимой личности. То есть не реализует ниспосланное ему при рождении свое собственное предназначение. У Маркса сознание – осознанное бытие, свидетельствующее о приоритете практического разума. У Сартра сознание есть только чистое сознание без бытия; он и не стремится редуцировать его к бытию. Именно сам человек как личность ответствен за каждый свой, то есть вполне осознанно «выбранный», поступок. Здесь ничего нельзя «списать на обстоятельства», несмотря на тотально окружающую человека «тошноту»; и в этом смысле «обреченность» быть свободным становится тяжкой ношей, которая по силам далеко не каждому именно в обстоятельствах «всеобщей борьбы», неизбежно нивелирующей личность посредством различного рода социальных институтов, у которых всегда «грязные руки».

Принципиальная «неполнота» как специфическая черта человеческого существования нивелируется творческим воображением экзистирующей личности как ее самой драгоценной особенностью. Сознание как основа воображения есть «ничто» в отличие от бытия как «вещности»; но именно это «ничто» как нематериальная и неподвластная никакому детерминизму радикальная свобода есть и добровольно взятая на себя (опять-таки «выбранная») ответственность за других, за всех. И в этом смысле атеистический экзистенциализм Сартра (нет никакой трансценденции, нет Бога, ты сам ответствен за все в мире!) некорректно трактовать, как это делали догматики советского марксизма, как теорию «чистого мышления», «ухода от жизни», «копания в себе», как «буржуазный индивидуализм», отрезающий человеку путь к солидарности и т. д. Напротив (и это в определенной степени проявилось в работах таких советских авторов, как Г. Батищев, Э. Ильенков, О. Дробницкий и др.), это

свидетельство стремления Сартра осуществить свой основной замысел в отношении марксизма – «вернуть человека в марксизм».

Кандидат философских наук, доцент **А. Н. Волкова** затронула вопрос о переходе Сартра от тезиса об абсурдности истории к пониманию ее «интеллигибельности». Еще в 1930–1940-е гг. Сартр развивал «теорию абсурда» («Гошнота», «Бытие и ничто»), говоря о принципиальной абсурдности мира, его фундаментальной непостижимости и холодной безучастности к судьбе личности. Мир – загадка: «абсурдно то, что мы родились, абсурдно, что мы умрем». Вместе с противопоставлением бытия и ничто, «в-себе» и «для-себя» Сартр противопоставлял и социальную действительность конкретному индивиду. Объективный ход исторического процесса неумолим, бесчеловечен, абсурден. Участие в политической жизни послевоенной Франции, знакомство с марксизмом заставили Сартра изменить свое пессимистическое воззрение на историю. Он солидаризируется с Марксом в том, что осуществление исторической необходимости, связанной с развитием экономического строя общества, происходит независимо от воли и желания людей, в том, что труд и производственные отношения являются реальной основой организации социальных отношений. Отмечая в качестве заслуги социальной философии марксизма «широкий синтез исторического знания», Сартр считал этот анализ недостаточным. Он бьется над проблемой взаимосвязи социального и индивидуального. Весь пафос работы «Критика диалектического разума» состоит в попытке доказать, что именно *конкретные* люди творят историю и потому она для них должна быть принципиально интеллигибельной (intelligibilite) – то есть прозрачной, доступной. Сартр связывает интеллигибельность с сознательной реализацией практики. Только в ней человек может избавиться от сознания абсурдности истории.

Кандидат философских наук, доцент **И. М. Меликов** отметил, что экзистенциализм как антропоцентризм и марксизм как социоцентризм противоречат друг другу, ибо экзистенциализм абсолютизирует личное бытие, а марксизм – общественное. Можно ли их соединить? Да, только на какой-либо третьей основе, при которой личное и общественное бытие предстанут в качестве разных сторон одного и того же. Однако Сартр стоял на позициях экзистенциализма и, несмотря на уважительное отношение к марксизму, своей

позиции не менял. Он пытался дополнить экзистенциализм марксизмом, при этом не выработывая новой платформы для своей философии. В результате экзистенциализм и марксизм были соединены им не диалектично, а эклектично. Философия Сартра стала отражением духовной ситуации во Франции второй половины XX в. С одной стороны, для французского общества того времени с его принципами индивидуализма были актуальны вопросы внутренней жизни человека, но с другой – проблемы социальной жизни, порожденные массовым разочарованием в прогрессе, культуре и социальных ценностях, связанные с утверждением левых идей. Дух первой тенденции выражал экзистенциализм, в сартровском варианте утверждавший полную свободу человека, дух же второй – марксизм, в рамках которого бытие отдельного человека детерминировано совокупностью всех общественных отношений. Учение Сартра и стало обнаружением этих двух несовместимых в философском плане тенденций, соединение которых в одном мировоззрении придало ему эклектичный характер.

Доктор философских наук, профессор **А. В. Савка** обратила внимание на то, что важный этап развития мировоззрения Сартра связан с его стремлением вписать экзистенциального субъекта в ткань культурно-исторического процесса, отмеченного постоянной универсализацией социальных связей. Эта цель становится главной в книге «Критика диалектического разума», где он помещает экзистенциального субъекта в непрестанно становящуюся тотальность истории и пытается описать те условия его бытия в сообществе людей, которые как дают возможность его дальнейшего развития, так и ввергают во все более углубляющуюся подавленность узами отчуждения. На пути реализации поставленной цели Сартр обращается к марксизму, он считает, что синтез экзистенциализма и марксизма как раз и являет собою необходимый шаг в этом направлении. И хотя Сартр высоко оценивал марксизм, это не означает, что он безоговорочно принимал основоположения последнего. Он не согласен с некоторыми идеями диалектики природы. Материя как объективная реальность никогда не дана человеку вне контекста его практической деятельности. Внешний мир – вот то, с чем имеет дело индивид в реальных обстоятельствах собственной жизни, реальностью обладает лишь человеческая деятельность, в

которой обнаружима диалектика. Природе она неведома, и, следовательно, нельзя пытаться вывести из ее эволюции биение пульса субъективности, отличающей личность. Сами законы диалектики также понимаются им несколько иначе, нежели это принято в гегелевской и марксистской традициях. Прежде всего, это законы, присущие деяниям людей. Сартр не приемлет закон перехода количественных изменений в качественные. К числу законов, проявляющихся в человеческой деятельности, он относит: отрицание, отрицание отрицания и единство противоположностей, а закон единства противоположностей не предполагает борьбу в качестве необходимого момента. Представление Сартра о диалектике опирается, прежде всего, на понятие целостности, которая специфична для целесообразной деятельности. В деятельности и через нее наблюдается тотализация общества и людей, включенных в ткань культурно-исторического процесса. Исторический процесс, по Сартру, не есть застывший и неизменный, он неотделим от борьбы различных противоборствующих сил, пытающихся отвоевать для себя пространство свободы. Хотя свобода никогда не может быть завоевана окончательно, борьба за нее никогда не прекращалась. Сартр полагает, что в различные периоды на арене истории преобладают два типа противоположных социальных сил, отличающихся отношением к свободе. Инертные силы представляются ему средоточием порабощения необходимостью, когда люди приобретают одномерность отчужденного существования, контактируя друг с другом через общие предметы потребления и обмена. В отличие от них группа устремлена к снятию отчуждения, самодетерминации и свободе. Группа спланирует людей на основе общих для них целей, противодействуя ограничениям, привычному течению событий, диктуемому властью другого. Ее состояние описывается Сартром как побег из пут отчуждения. Но и группе не надо постоянно наслаждаться достигнутым состоянием снятия отчуждения, ибо она имеет тенденцию деградации, в конечном итоге она обращается в инертную силу, которая может быть взорвана лишь новым всплеском порыва к свободе. Соответственно ни одно сообщество не может быть и воплощением того идеала свободы, который провозглашен экзистенциальным гуманизмом. Борьба за гуманизм оказывается перманентным восстанием против отчуждения.

Доктор философских наук, доцент **И. И. Малышко** привлекла внимание участников «круглого стола» к теологической проблематике в философии Сартра, отражавшей состояние растерянности послевоенного человека, «мировоззрение человека без веры, семьи, друзей и цели жизни», олицетворявшего потерянную страсть – *l'homme est une passion inutile*. Поэтому особое место в системе Сартра занимают теологические проблемы, хотя и атеистично истолкованные. Эта проблематика особо актуальна сегодня, в наше время, лишенное ценностных ориентиров. Свобода раскрывается в тревоге человека, осознающего собственное бытие. Человек бежит от тревоги, бежит от своей свободы, как от будущего, бежит также и от своего прошлого, от которого он не может освободиться, потому что это неподвижное и чуждое бытие-в-себе. Человек не может освободиться от тревоги, поскольку тревога – это он. И в этом заключается главное противоречие. Свободный выбор сущего-для-себя, по Сартру, есть основа всякой ценности. И, как следствие, у морали существует один закон: выбирай себя сам. Тогда возникает вопрос: что же ищет человек? У философа есть один ответ: сущее-для-себя, которое есть существование, жаждет лишь бытия. Но оно не хочет превращаться в сущее-в-себе. Человек хочет стать таким сущим-в-себе, которое одновременно есть сущее-в-себе-и-для-себя. Выражаясь другим языком, по мнению Сартра, человек хочет стать Богом. Но в таком контексте Бог невозможен, так как сущее-в-себе-и-для-себя есть противоречие. Этот поиск бытия, как и поиск через принцип свободы, как и поиск через бытие-для-другого, также терпит неудачу. И в итоге человек – это потерянная страсть. Если сослаться на мнение Ю. М. Бохеньского, то в истории философии не было еще такой крайней формы реализма, и философия Сартра представляет собой меонтологию – теорию несуществования. Этические следствия такой меонтологии таковы: отрицание всякой объективной ценности и закона, абсолютной бессмысленности человеческой жизни и смерти.

Подводя итоги работы «круглого стола», участники дискуссии признали полезным и своевременным обращение к наследию Сартра, являвшего собой пример творческого освоения различных интеллектуальных традиций, вне которых полнота духовной жизни не достижима.